

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
(Минкультуры России)

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

**«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ**

ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ» (СПбГИК)

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 2

тел.: (812) 318-97-97, e-mail: dp@spbgik.ru,

<http://www.spbgik.ru>

ОКТМО 40908000 ОГРН 1027809226610

ИНН/КПП/ 7825011824/784101001

30.11.2023 № 3443-1.1.1.3.-21/23

УТВЕРЖДАЮ:

Проректор по научной
и творческой работе

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный институт культуры»,
кандидат педагогических наук,

В.А. Мутьев

«17» 11 2023 г.

**Отзыв ведущей организации ФГБОУ ВО
«Санкт-Петербургский государственный институт культуры»
на диссертацию Мартынова Владимира Анатольевича
на тему «Реализм и конструктивизм в культурологии»,
представленную на соискание ученой степени доктора культурологии
по специальности 5.10.1 теория и история культуры, искусства
(культурология)**

Проведенное исследование строится вокруг вопроса эпистемологического выбора между конструктивизмом и реализмом в культурологии. Опираясь на мнение академика В.А. Лекторского, соискатель отмечает, что данный выбор носит фундаментальный характер и должен быть направлен на реалистическую сторону, полностью определяя задачи отечественной науки о культуре и особенности ее исследовательских векторов на современном этапе. Соискатель подчеркивает, что данный выбор верен не только для эпистемологии как академической дисциплины, но и для всего научного знания в целом, особенно для гуманитарного, в частности для культурологии. Автор связывает многие противоречия и дискуссии сегодняшней культурологии именно с этим выбором, отмечая, что «это тот контекст, который является “главным” сегодня».

Введение диссертации содержит все необходимые пункты и раскрывает ее проблемное поле, теоретико-методологические и другие стороны. Структура исследования вполне отчетливо отражена в оглавлении диссертации, коррелирует с целью, задачами, положениями, выносимыми на защиту, и новизной работы.

Актуальность работы обосновывается Владимиром Анатольевичем на основании растущего давления на реалистическую культурологию со стороны ее конструктивистской версии и эпистемологического конструктивизма в целом. Ключевой вектор в этом давлении – это обвинение реализма (которого культурология, по мнению автора, должна придерживаться) в отсталости, в метафизичности, т.е. в несовременности, архаичности. Еще один вектор давления на реалистическую культурологию связывается автором со следствием отказа конструктивизмом от Культуры с большой буквы, поскольку реалистическая культурология полагает себя ответственной за неё.

Фиксируя необходимость ориентации культурологии на Культуру с большой буквы и реалистические исследовательские программы, соискатель формулирует цель исследования, определяя ее как описание современных вариантов культурологии внутри дихотомии «реализм/конструктивизм», и защиту одного из этих вариантов, культурологического реализма.

Общая характеристика работы.

В первой главе основной части исследования автор сосредотачивает внимание на противопоставлении исследовательских стратегий конструктивизма и реализма, рассматривая их сущностные и специфические черты, особенности генезиса в широком социокультурном контексте, а также раскрывая их идейные и ценностно-смысловые аспекты. Данным стратегиям дается многосторонняя и достаточно полная оценка. Кроме того осуществляется подробный анализ истории западного гуманитарного знания в плане формирования конструктивистских стратегий изучения культуры.

В тексте довольно обстоятельно характеризуется генезис *cultural studies*, включая истоки исследовательской программы данного направления. Автор анализирует первоначальную направленность названных исследований на реалистичные тактики, на познание реальности культуры как таковой и далее рассматривает постепенный отход от реализма и трансформацию данных исследований приведшую к теоретико-методологическому переключению на конструктивистские практики изучения культуры. Обстоятельно анализируются факторы, вследствие которых осуществилось предпочтение *cultural studies* конструктивистской методологии и непринятие реалистичной исследовательской программы. Отмечается, что *cultural studies* имели серьезное влияние на разные направления изучения культуры в плане продвижения эпистемологического реализма, однако с течением времени попали под влияние конструктивизма, рожденного в отмеченных направлениях. В частности, речь идет о сильном методологическом влиянии постколониализма. Тем не менее соискатель утверждает, что рано или поздно *cultural studies* в любом случае отказались бы от реалистичных оснований изучения культуры.

Автор указывает, что вследствие данных теоретико-методологических заимствований *cultural studies* пришли к отказу от Культуры с большой буквы. В результате такого переключения культура несколько разобщилась, она предстала как состоящая из разных сегментов, разных точек зрения, разных

идентичностей, разных форм восприятия реальности и её переживания, разных форм самовыражения человека. Культура предстала как разобщённое многообразие. Вследствие указанного изменения взгляда на культуру стали возникать разные частные дисциплины, фрагментирующие реальность культуры и уводящие ее в сферу конструктивистской интерпретации. На фоне утраты единого связующего эфира Культуры с большой буквы, культура стала полем разобщённых вариативных многообразных вариаций разных истин, разных точек зрения, разных мнений, где стало легитимироваться всякое различие, противопоставление и право абсолютизировать многообразные переживания всего и вся.

Используя метафору «культуральных войн», Владимир Анатольевич рассматривает не только различия эпистемологии конструктивизма и реализма, но и конкуренцию, противостояние и противоборство методологических и идейно-смысловых аспектов указанных стратегий. Анализ распространения и закрепления конструктивистской ориентации, господствующей в рамках *cultural studies*, автор осуществляет, опираясь на широкий спектр контекстуальных обстоятельств, включая собственно научные, политические, социальные и другие стороны социокультурной реальности. Аналогичным образом рассматривается генезис реалистической познавательной стратегии в отечественной культурологии.

Достаточно интересный блок работы связан с рассмотрением процесса утраты современности в антропологии, которая, как отмечает Владимир Анатольевич, уступила данную область *cultural studies*, с укоренившимися в них конструктивистскими стратегиями познания. Анализу подвергаются основные траектории развития антропологии в XX столетии, указывается на излишний акцент антропологов на архаику традиционных обществ. Рассматривается научная дискуссия, в ходе которой антропология уступила современность, как исследовательскую область, *cultural studies*. Соискатель констатирует, что указанный процесс привел к утрате ясного, объективированного предметного пространства современности и исследовательских стратегий, ориентированных на ее глубокое постижение в рамках теорий, рассматривающих историко-культурную реальность как системную и историко-генетическую целостность, с опорой на определенные ценностно-смысловые структуры. Аналогичные процессы Владимир Анатольевич фиксирует и в других областях знания. Далее автор воспроизводит убедительную картину генезиса *cultural studies* на фоне процесса дробления современности на небольшие исследовательские блоки, что привело к формированию десятков направлений исследований культуры, в рамках которых доминировал эпистемологический конструктивизм.

В указанном разделе (как и во многих других) соискатель демонстрирует хорошее знание источников, погруженность в рассматриваемые процессы и дискурсы, в особенности процесс генезиса науки, научных направлений *cultural studies*. Нередко это межуется с достаточно резкими и однозначными оценками

сложных явлений, однако в указанном ракурсе прослеживается стремление автора раскрыть свои взгляды более явно и категорично.

Вызывает интерес осуществленный Владимиром Анатольевичем анализ 300 диссертаций по культурологии, защищённых в России с 2015 по 2020 гг., а также работ, выходящих из под пера отечественных исследователей. На основании статистического анализа исследователь заключает, что в российской культурологии явно преобладают реалистические тенденции (отмечается, что 84% диссертаций относятся к реализму, в свою очередь среди ученых классиков реалистов 79%). Также интересна авторская типология указанных научных текстов, которые маркируют разные формы реализма, пересекающихся в некоторых областях. В качестве основного маркера выявления таких форм соискатель предполагает отношение к Культуре с большой буквы, которое находит свое проявление в диссертациях.

Отдельный блок текста посвящен рассмотрению генезиса Санкт-Петербургской школы культурологии. Анализируются исследовательские доктрины и работы представителей школы. Делается вывод, что почти все культурологи Петербурга придерживаются эпистемологии реализма. Также осуществляется обзор различных направлений и научной деятельности отдельных исследователей, которые по мнению автора являются предтечами культурологии, реализовавшими реалистическую исследовательскую позицию.

Говоря о распространении реализма в современной культурологии, соискатель отмечает, что на срединном уровне теоретических обобщений с выходом на практику вопрос предпочтения реалистичности и конструктивизма исследователями в основном не ставится, потому что они и так работают в реалистической манере. Однако, должной рефлексии по данному вопросу на мета-уровне нет. Кроме того, соискатель весьма жестко критикует деятельность многих институций в сфере культуры, которые не внесли должного вклада в развитие данной проблематики, в частности РИК. Данное обстоятельство по мнению автора определяет актуальность проведенного исследования.

Достаточно убедительным выглядит раздел диссертации, в котором ставятся основные задачи, решение которых будет способствовать утверждению реализма в культурологии на мета-уровне – это проблема прошлого-настоящего-будущего, вторая проблема Культуры с большой буквы.

Решая первую задачу, соискатель отмечает, что вектор, направленный в будущее, основанный на отрицании прошлого и классического знания, так или иначе провоцирует конструктивистский взгляд на реальность. В свою очередь устремленность в будущее основана на сохранении генетической связи с прошлым, обеспечивает устойчивость культуры, прочность ее организма, приверженность устойчивым ценностям и смысла и способствует утверждению реализма. Реализм опирается на историю и опыт, а опыт конструктивизму, имеющему футурологическую направленность, не нужен. В ракурсе конструктивистов реалистическая культурология выступает как знание, целиком отрезанное от современности. Исходя из особенностей реализма,

ориентированного на генетическую связь современности с прошлым, автор диссертации детально и вполне убедительно обосновывает тезис, согласно которому именно реалистическая культурология способна дать полноценную теорию современного общества.

Рассматривая сущностные стороны разрыва конструктивизма с современностью, автор осуществляет детальный критический анализ работ западных исследователей, маркирующих разными способами грань между современностью и прошлым, а также значимые признаки современности в соответствующих теориях. В тексте показано, как и почему в рамках конструктивистской науки сложился разрыв между настоящим и прошлым. Отдельное внимание уделяется ценностно-смысловым векторам понимания прошлого и настоящего в конструктивистской и реалистической парадигмах. Обозначены преимущества историко-культурных концепций, созданных в рамках эпистемологического реализма (например, концепция С.С. Аверинцева).

В качестве примера, отражающего тенденцию резкого отделения прошлого от настоящего, в работе рассматривается концепт авангарда в искусстве, его ценностно-смысловые обоснования и фактор повышенного интереса исследователей к данному феномену. Указанный ракурс исследования авангарда в диссертации проецируется на современную конструктивистскую науку, направленную на современность и будущее и не уделяющую должного внимания прошлому. Убедительным выглядит анализ именованной эпохи в рамках современности, тяготеющего к конструктивизму и устроенного как постоянное отрицание прошлого и обновление современности на уровне «пост-», «мета-», «транс-» и пр.

Самостоятельный раздел работы посвящен анализу концепта Культуры с большой буквы и обоснованию его эвристических, ценностно-смысловых, нравственных и эстетических преимуществ. Данную процедуру автор осуществляет, отталкиваясь от тех изменений, которые произошли в восприятии культуры в рамках распространения конструктивистской эпистемологии. Так, рассматривая вопрос утраты красоты, Владимир Анатольевич указывает, что деградация современной культуры напрямую связана с отказом от культуры высокой и переключением на «красные голливудские дорожки», «политкорректность Оскара» и пр. В вопросах утраты красоты отмечается, что современная эстетика отошла от подлинных оснований понимания прекрасного, переместившись в конструктивистскую парадигму, а современной науке досталась только художественная теория. В тексте указывается, что такой отход от прекрасного ярко проявляет себя в литературе и изобразительном искусстве, поскольку их можно интерпретировать как «репрезентацию», раскрывать средства их преломления в зависимости от властных и идеологических установок, интерпретировать как средство манипулятивного воздействия эпохи и пр. При этом, автор критикует мнение, согласно которому высокая культура умирает, что она находится в постоянном конфликте с низкой культурой, указывая, что возможно и примирение, что

высокая культура, вполне может быть рядом с невысокой культурой и взаимодействовать с ней.

В качестве примера сохранения основ эстетики, ориентированной на прекрасное и Культуру с большой буквы, Владимир Анатольевич указывает на музыку. Автор отмечает, что музыку довольно трудно подвергнуть анализу с позиций конструктивистской методологии. Всё дело в том, что между музыкантом и слушателем трудно найти посредничество, тут нет посредников. Убедительным аргументом, согласно которому музыка остается вне зоны действия конструктивизма, автор справедливо считает факт отсутствия в списке современных cultural studies такого направления, как music studies. В разделе делается вывод, что понимание Культуры с большой буквы держится на красоте, на потребности в красоте. Однако конструктивистская культурология отказалась от категории прекрасного, что, по мнению автора, очень симптоматично и показывает направленность конструктивизма на редукционизм и сведение культуры к политически ангажированной, властно маркированной сфере, сфере конфликтов и т.п.

Еще одной тенденцией, которая привела к отказу от Культуры с большой буквы в рамках конструктивизма, по мнению соискателя, стала утрата смысла. В этом аспекте автор снова обращается к искусству, как к достаточно показательной сфере современной рефлексии над смыслами культур и прекрасного, поскольку смысл существует в художественных произведениях помимо красоты. Указывается, что сегодня с точки зрения постструктурализма, постмодерна и конструктивизма поиск смысла текста поставлен под сомнение. Смыслы в таком ракурсе воспринимаются рядом с идеологическими скрепами как однопорядковые явления, то есть в смыслах нередко раскрываются именно какие-то установки идеологии и влияния и т.д. Смысл выступает как то, что подлежит конструктивистскому разоблачению, вскрытию, редукционизму. Экзистенциальный контакт со смыслом в таком ракурсе не учитывается, не рассматривается и является не значимым.

Отдельный блок работы посвящен критике редукционизма в познании, включая его политические, эстетические и иные векторы. Осуществляется сопоставление политизированного редукционизма конструктивистов с советским редукционизмом, направленным на отражение классовой борьбы и соответствующих противоречий. Констатируется, что редукционизм в конструктивизме западной науки стал доминировать благодаря Фуко. Роль Фуко автор сводит к радикализации критической теории и разрыву с гуманизмом. При этом Владимир Анатольевич обоснованно отмечает, что редукционизм, то есть сведение смыслов к политически ангажированным в конструктивизме, не всегда состоятелен и порой не имеет под собой почвы. Дело в том, что смысл сам по себе, согласно вполне аргументированному мнению соискателя, конструктивизму не нужен.

В свою очередь Культура с большой буквы – это мир простых вещей и смыслов, однако смыслов общих. Работа Культуры с большой буквы – это

работа со смыслами, это всегда поиск нового; культура располагает к поиску смыслов. Автор указывает, что Культура с большой буквы направлена на постоянное производство фундаментально плюралистичных смыслов. Однако, общим смыслам противостоит вся критическая традиция уже 100 лет. Показательна в данном ракурсе цепочка рассуждений Владимира Анатольевича о смыслах классики и ее бытовании в СССР.

Еще одной значимой проблемой на пути утверждения реализма является утрата бытия культуры, ставшая следствием перехода общественного мнения и познания на конструктивистские рельсы. В качестве примера отказа от бытия Культуры с большой буквы автор рассматривает тенденции его утраты в рамках формирования постколониальных исследований, оказавших в данном вопросе влияние на весь дискурс cultural studies. Речь о работе Э. Саида, которая, согласно автору диссертации, стала своеобразным каноном для современного гуманитарного знания, – всё, что возникало методологически в других направлениях западных гуманитарных исследований, возникло по образцу постколониальных исследований.

Владимир Анатольевич отмечает, что в постколониализме Культура с большой буквы оказалась обреченной на ликвидацию. Современный человек в таком ракурсе должен отречься от своей культуры – «белый человек должен исполнить отречение белых людей», «европейская цивилизация должна отречься от культуры с большой буквы», она приговорена в постколониальном мире, поскольку «белые люди носители имперской сущности», «мужчины – носители сексуальной тяги к унижению женщин» и так далее. Отмена Культуры с большой буквы, согласно автору, обязательное условие вхождения Запада в постколониальный мир. Усиление и методологическое подкрепление данной тенденции автор диссертации связывает с волной исследований феминизма, переживавших в конце XX в. второе рождение.

Обращает на себя внимание раздел текста, в котором Владимир Анатольевич связывает популяризацию конструктивизма с использованием термина «репрезентация» в работах Э. Саида, раскрывая смысл данного термина как фальшь, поскольку любые репрезентации в конструктивистском знании – это игры с нереальностью с неправдой с ее искаженными формами и на репрезентациях делается особый акцент. Такой ракурс изучения культуры со статусом репрезентации позволяет интерпретировать ее как неправду, ложь, позволяет уходить от истины в вариативность. По схеме Э. Саида полем репрезентаций становится вся культура. То же самое касается и исследовательских стратегий феминизма. В феминистических исследованиях, отмечает автор, везде идет разоблачение классики и Культуры с большой буквы поскольку всё это является олицетворением закабаления женщин. В таком ракурсе в cultural studies особый акцент делается на аналитику репрезентаций, постоянный анализ их многообразных отражений и преломлений, что несомненно бьет по онтологии культуры.

Развивая данную тему, Владимир Анатольевич осуществляет сравнительный анализ интерпретации текста в рамках конструктивистской и реалистической эпистемологии. Таковым выступает фильм «Москва слезам не верит». Рассматривая мнение «Тани Танк» как образец современного конструктивистского, в частности постфеминистского, подхода, автор диссертации убедительно показывает ущербность таковых исследовательских стратегий, в рамках которых Культура с большой буквы просто выбрасывается и всё сводится к репрезентации. Рассматривая фильм с позиций реализма (в частности, эпизод с пледом на пикнике), автор исследования показывает его смысловую наполненность, сопричастность Культуре с большой буквы. Культуре, выступающей не олицетворением насилия, а воплощением любви и самопожертвования.

Наконец в перечне трудностей, с которыми сталкивается современный исследовательский реализм, указывается утрата надежды. В данном плане автор предлагает весьма радикальную (и порой спорную) критику франкфуртской школы, создавшей основу для отказа от Культуры с большой буквы и, соответственно, утраты смыслов. В указанном ракурсе осуществляется критический анализ феномена утопии в различных культурах, фактора конструирования реальности и будущего, включая современный западный мир. Отмечается, что Культура с большой буквы может противостоять утопии.

Продолжая анализ заявленной проблематики, соискатель сосредотачивает свое внимание на проблеме соотношения высокого и низкого в культуре. Критической оценке подвергается мнение, согласно которому в высокой культуре нет свободы, что она манипулятивна, и что массовая культура являет собой пространство свободы. На этом основании автор критикует тенденцию расширения и размывания массовой культуры в рамках однородного культурного поля, в котором границы между высокой и низкой культурой растворяются.

Владимир Анатольевич критически сопоставляет разные точки зрения на массовую культуру, позиционирующие ее как некое гомогенное пространство, где все самовыражаются и проявляют свою свободу. Более того, критике подвергается сама дихотомия массовое и элитарное искусство. Владимир Анатольевич в противовес данному видению предлагает весьма убедительную модель диалектического взаимодействия высокой и низкой культур в рамках движения низкой культуры к значимым смыслам и готовность высокой культуры к диалогу с низкой в указанном пространстве. В качестве примера такого взаимодействия рассматривается советская массовая культура. Речь идет о ее единой эстетике и гуманизме, о том, что подлинное искусство неотделимо от повседневного бытия массы, о том, что оно не является элитарным. Интерес представляет вывод автора о том, что низовая культура способна на творчество, она способна выходить на уровень высокой культуры, которая тоже творит и готова к диалогу с низовой культурой.

Последний раздел диссертации посвящен обоснованию реалистичной культурологии, предназначение которой соискатель связывает с реалистичной идеей самой Культуры. Раздел довольно интересен, в первую очередь выбранным ракурсом обоснования, а именно, раскрытием универсализма Культуры, логики ее порождения в пространстве «низовой» и «высокой» сфер. Так предметом анализа становится, генезис и феномены рок-культуры, которая оказалась способной объединить миллионы людей, создать особое братство, сохранить гармонию и стремление к высокой культуре. Рок, как показывает автор, тяготея к высокой культуре, реализовывал значимые общечеловеческие смыслы, создал классические рок-шедевры. Контркультурные движения объединяли культуры и «черных и белых», они остановили войну во Вьетнаме. Это было движение снизу вверх, такая культура не сводима к массовой или популярной коммерческой культуре, ее феномены гармонизировали низовую и высокую культуру. Аналогичные процессы автор фиксирует и в развитии металла в рок-культуре, отмечая (наряду с его многообразными и порой спорными проявлениями) большие тексты и большие формы данного направления, его стремление к высокой культуре, его принципиальную несводимость к ангажированным и редукционистским интерпретациям. С опорой на проведенный анализ рок-культуры автор заключает, что Культура с большой буквы – это территория согласия, а указанный идейно-смысловой ракурс ее изучения должен стать для культурологии системообразующим – задачей культурологии является последовательное утверждение идеи Культуры.

В ходе анализа рассматриваемого вопроса в тексте приводятся различные интерпретации культурологии, ее предметной области, описаны дискуссии, связанные с методами и подходами, получившими свое проявление в культурологии на протяжении последних десятилетий. Делается вывод, что основной предмет культурологии (а именно, реалистической культурологии) – Культура с большой буквы, а ее задача в защите Культуры с большой буквы. На этом фоне автор осуществляет критику современной эстетики и литературоведения, поскольку в данных направлениях исследования обращение к культуре с большой буквы, с точки зрения Владимира Анатольевича, снижается. Примечательно, что в тексте ставится проблема поиска определения культуры, адекватной ее интерпретации как Культуры с большой буквы. Указывается, что многие определения культуры заужены, тенденциозны и уводят ее в антропологию, либо в другие области знания.

Делается обоснованный вывод, что Культура с большой буквы сохраняется в жизни миллионов людей, сохраняется она и в нашей науке, в которой чрезвычайно сильны традиции реализма, особенно на средних и нижних «этажах». Тенденция направленности культурологии на реализм должна быть фундаментально обоснована и поддержана, а победа конструктивизма – это иллюзия.

В заключении вполне лаконично и последовательно подводятся итоги исследования, соотносимые с диссертационным текстом. Квинтэссенция этих выводов содержится в трёх тезисах на странице 483 и выглядит достаточно аргументированно. Список литературы, включающий 908 пунктов, носит вполне убедительный характер и охватывает основные грани изучаемой проблематики.

Тем не менее, в работе содержится ряд аспектов, определяющих существенные замечания.

Во-первых, вызывает вопросы стиль изложения материала, который порой носит весьма специфический и в отдельных случаях недиссертационный характер. Например, указанная стилистика прослеживается в формулировании положения 15: «Вся “классическая” критика, предъявленная конструктивистским знанием в рамках суда над Культурой с большой буквы, ничтожна. Говорить как о гибели Культуры с большой буквы, так и о её “маргинализации”, рано».

В диссертации находит свое проявление публицистический, разговорный стиль, порой чрезмерно полемический и достаточно прямой. Автор нередко прибегает к сарказму, иронии и ненаучными аналогиям. Текст изобилует неуместными метафорами. Например: «Актуального неклассического философа это как бы пачкает» (С. 52); «Антропология сама себя ликвидировала, “стерла” ластиком» (С. 76); «Лидеры культуральных исследований догадываются об этом. И эта догадка является для культуральных исследований жутким кошмаром» (С. 85); «Сегодня ясно: для западного знания о культуре мы – чужие. Более того, российская культурология в её аутентичном состоянии – идеальный Чужой, т.е. больше, чем враг. Здесь допустимы самые яркие коннотации, в том числе из фильма «Чужой». Мы – те враги, по отношению к которым возможно всё» (С. 96).

Диссертация содержит метафоричное использование милитаристских терминов (фронт, враждебный, агрессивно-враждебная оценка и пр.), темы ВЧК, политбюро, министерства правды, комиссаров и красного террора, сравнения исследователей со следователями, сектантами (такое сопоставление в тексте встречается 11 раз, включая заключение диссертации), апостолами и пророками; метафорично применяются термины и формулировки Священное Писание, символ веры, «по гамбургскому счету» и пр.; термин “фашизм” и темы концлагерей во многих случаях носят неуместный для диссертационного исследования характер. «При этом одна из дисциплин все более и более приобретает роль «политбюро», организующего процесс интеграции гуманитарного знания (С. 47); «Пределом этого давления является обвинение Культуры в Насилии. Со времени заметок Т. Адорно конца 1940-х годов общим мнением современных теорий является убежденность в том, что на Культуре лежит вина за Освенцим и Аушвиц. Это серьезное обвинение, сегодня с ним согласна вся «передовая» наука на Западе» (С. 18); «Вот эту большую совесть антропологи и лечили. Своей жертвенностью они искупали чужие старые

грехи. Творец антропологии, её Мессия, Л. Морган, двадцать лет проживший среди ирокезов, первым прошел путь искупительной Жертвы. Г. Л. Морган – это Христос, искупивший национальную вину белой Америки. Не случайно путь Моргана стал моделью ритуала инициации каждого антрополога» (С. 65); «о теории реалистической культурологии в крупнейшем теоретическом проекте в России говорить не приходится. Это не реализм, это «неклассический» антиреализм. А еще это угрюмое сектантство, прямо и откровенно декларируемое» (С. 144); и другие примеры.

Во-вторых, оценочные суждения соискателя носят порой жесткий и безапелляционный характер. Порой обосновывая постановку проблемы и результаты исследования, автор сам и весьма однозначно дает оценку многим положениям диссертации как непременно правильным, что не всегда корректно по отношению к читателю и не оставляет ему простор для формирования своего мнения и оценки (отвечая на поставленные вопросы, соискатель часто использует формулировку «на самом деле»). Сложные феномены и проблемы науки нередко определяются предельно ясно, что для диссертационных исследований не всегда положительно.

Порой автор дает характеристики тем или иным направлениям, теориям и авторам в очень однозначной форме, делая собственные интерпретации и вариации понимания сложных вопросов безапелляционными: «Все трансформаций институтов знания происходят в пользу конструктивизма. Все инновации являются следствиями конфликтов, и все эти конфликты разворачиваются по одному сценарию: реализм всегда проигрывает, а конструктивизм, соответственно, выигрывает. Во всех институциональных инновациях все новое является конструктивистским» (С. 11).

В данном случае соискатель отмечает направленность текста на оценочность: «на самом деле голос возможен, но он точно не может быть ценностно нейтральным. Как минимум, энергия утверждения ценностей в этой ситуации допустима. Поэтому аналитика, развернутая в диссертации, не претендует на позитивистскую безоценочность. Она ценностно маркирована. Размышление, представленное в диссертации, является и изложением истории и теории конфликта, и защитой реализма в культурологии» (С. 17). Тем не менее, градус оценок иногда принимает явно недипломатичный характер.

Однозначность высказываний порой выглядит противоречиво. Так, в положении 7 соискатель пишет «Культуральные исследования не являются единым целым. Следует отделять реалистическую парадигму культуральных исследований от конструктивистской» (С. 37), однако в тексте встречаются высказывания, в которых дается общая оценка *cultural studies* и даже шире, как конструктивистского направления («Потому что социологизация истины – общий выбор всего “неклассического знания”. Нет истины, а есть истина белых и черных, мужчин и женщин» (С. 8)).

В-третьих, полемика со многими оппонентами (например, В.А. Куренным, Г.И. Зверевой, А.Я. Флиером, К.Э. Разлоговым и другими

авторами), большая часть которых, согласно мнению соискателя, являются представителями конструктивизма в гуманитарном знании (или так или иначе с ним генетически связанными), носит порой жесткий, а иногда недопустимый с точки зрения научной культуры общения и полемики характер: «Для лидера журнала «Новое литературное обозрение» (на площадке которого происходила упомянутая выше дискуссия) И. Прохоровой реалисты – это именно Чужие, т.е. почти чудовища из тьмы» (С. 13); «Об инквизиторских стратегиях журнала "НЛО" уже говорилось, еще более размашисто они представлены, например, в журнале "Логос"» (С. 23); «Они смотрят на проблему примерно так же размашисто и радикально, как И. Прохорова» (С. 25). Еще одним примером является критика соискателем статьи В.А. Куренного, опубликованной в журнале Логос (2012, № 1), как сторонника видеть целостную исследовательскую программу cultural studies: «Именно так, как «жесткий сциентистский методологический канон», преподносит русскоязычной аудитории культуральные исследования В. Куренной» (С. 86). При этом в приведенной соискателем статье В.А. Куренной характеризует теоретико-методологический аппарат cultural studies скорее как комплекс разных исследовательских векторов, а не как целостную исследовательскую программу. И далее, «Собственно, статьей текст В. Куренного назвать не получается. По объему это – небольшая монография. А полнота исчерпания темы (пять разделов, разбитых на параграфы, исчерпывающие весь путь движения от общего к частному) выдает следы еще одного жанра. Это программа. С такой полнотой в СССР составлялись программы Партии» (С. 108); «Если учесть, что В. Куренной является главой культурологии вуза, претендующего на лидерство в образовательной политике современной России, то станут понятны интонации знаменитого несокрушимой твердостью начальника, утомленного вечной расхлябанностью массы и вынужденного на всякий случай держать указующий перст повыше» (С. 108). Далее, «И тем, кто взорвал статую Будды, и тем, кто разрушил Пальмиру, Тиханов выдает индульгенцию от имени современной науки» (С. 226); «Потому что, отменив целостность художественного текста, он легитимизирует не только квазирелигиозный фанатизм, но и большевизм в самой зверской его разновидности» (С. 227); и многие другие примеры.

Указанное замечание довольно серьезное и вносит существенные трудности в оценку сущностных, стратегических сторон, идеи самой диссертации. В научном мире весьма сложно поделить ученых на явных конструктивистов и реалистов, и в случае со многими приведенными критическими высказываниями в отношении коллег по научной деятельности ведущая организация не может согласиться с соискателем. Хвалить сторонников и критиковать оппонентов необходимо, сохраняя научный такт и уважение к другой точке зрения.

В-четвертых, текст содержит критические замечания, которые не подтверждаются прямыми цитатами на тексты самих авторов, там где это

уместно было бы сделать: «Прежде всего потому, что ответ идеологов англо-американской культурологии на вопрос о системном единстве наук о культуре под зонтиком единой теории культуры – категорическое «Нет!» (С. 45).

Местами автором высказываются достаточно резкие и неуместные замечания, заслуживающие более детального обоснования на уровне источников и прямого цитирования. Так, автор достаточно негативно высказывается в адрес В. Беньямина, представителей франкфуртской школы, М. Фуко и других исследователей. Порой опора осуществляется на собственные интерпретации и мнение представителей научной рефлексии. Например, критику гуманизма, сакрального и высокой культуры в работах В. Беньямина соискатель довольно прямо соотносит с термином «фашизм» (и темой концлагерей), что встречается достаточно часто и порой выглядит неуместным: «Главная опасность для современной цивилизации – вторжение прошлого (в терминах Беньямина «сакрального») в современность. Это совсем губительно, это и есть сущность фашизма, и тогда плохим делом будет любая работа над сохранением и культивированием островков прошлого в современности» (С. 161); «А современность является действительно полноценной современностью только тогда, когда устремлена в будущее *(сноска)*. Тогда если мы не авангардисты, то мы сразу же становимся ретроgrадами и верующими в магию идолопоклонниками, а вслед за этим – фашистами. Нам дано быть либо авангардистами, либо фашистами, третьего не дано» (С. 162); «Для Фуко всё, что не есть революционный скачок в будущее – то сразу и фашизм» (С. 164); и многие другие примеры.. Такой ракурс служит основой для переноса данной терминологии и на другие аналогичные исследования, что не всегда корректно.

В-пятых, в работе акцент делается на петербургскую культурологию как на яркое воплощение реалистических эпистемологических тенденций, что не позволяет отразить полноценную картину современного положения дел в данном вопросе в рамках всей отечественной культурологии.

В-шестых, текст содержит технические неточности и опечатки. Кроме того, текст слишком большой и местами уводит читателя от основной линии изложения материала достаточно далеко.

Указанные замечания досадны и снижают качество исследования, основная идея и стратегический замысел которого делает его актуальным для современного научного дискурса.

Заключение.

При этом, исходя из направленности исследования на фундаментальный вопрос самоопределения отечественной науки о культуре в рамках выбора основного эпистемологического вектора, а именно реализма, само исследование является достаточно своевременным и актуальным, **теоретически и практически значимым**. Постановка основной проблемы диссертации, анализ происходящих в науке изменений и аксиологически значимая тональность текста показывает, что диссертация **обладает новизной**,

вносит вклад в развитие науки о культуре, высвечивая фундаментальную проблему выбора ее эпистемологической оптики на современном этапе. С учетом реалий современности данную проблему предстоит решать в ближайшее время. Соответственно, дискуссия на эту тему актуальна, своевременна и востребована.

На этом основании, с учетом замечаний, текст может быть квалифицирован как состоявшееся исследование, соответствующее требованиям п. 9 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г. в действующей редакции, а его автор – Мартынов Владимир Анатольевич – заслуживает присуждения ученой степени доктора культурологии по специальности 5.10.1 – теория и история культуры, искусства (культурология).

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, протокол № 2 от 07.11.2023 г. В голосовании приняли участие – 16 человек, проголосовали за – 16, против – 0, воздержались – 0.

Заведующая кафедрой
теории и истории культуры
Санкт-Петербургского государственного
института культуры,
доктор исторических наук,
профессор А.А. Смирнова

Секретарь кафедры теории и истории культуры
Санкт-Петербургского государственного
института культуры
М.И. Громова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт
культуры».

Адрес: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2.

Телефон: +7 (812) 318-97-97

Веб сайт: <https://www.spbgik.ru/>

E-mail: dp@spbgik.ru

Подпись руки

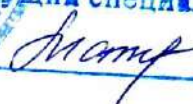

Подпись руки

Зеленый специалист по кадрам

А.И. Матысакова